

2 ОКТ 1985

ГАСТРОЛЯХ

Адресовано юным зрителям

ЛЕНИНГРАДСКИЕ школьники, побывавшие на спектаклях Челябинского театра юных зрителей, смогли увидеть на сцене пьесы Грибоедова, Чехова, Гоцци, инсценировку прозы Шолохова. Такой подбор репертуара отраден еще и потому, что в «детской» афише наших театров эти имена не встречаются.

Интересным событием гастролей стала приуроченная к творческому отчету в Ленинграде премьера сказки Гоцци «Король-Олень» (постановка главного режиссера театра Т. Махарадзе). Уже сам жанр сказки предположил определенность оценок. В каждом персонаже — коварном Тарталье (Я. Эверт), глуповатом Бригелле (Е. Фалевич), простаке Труффальдино (В. Мочалов), добродетельной Анджели (О. Телякова), мужественном Дерамо (В. Егоров) — исполнителями укрупнено, подчеркнуто главное свойство характера. Как и требует традиция комедии дель арте (комедии масок), спектакль откровенно театрален: яркие костюмы, разноцветные маски, веселые трюки, необыкновенные превращения — все шутка, все игра. Однако из перипетий сказочного сюжета вырастает весьма серьезная мораль. Спектакль утверждает торжество бесстрашия и честности, искренности и верности в любви.

Желание представить характеры «очищенными» от подробностей, подчеркнуть противостояние персонажей определило и прочтение грибоедовской комедии «Горе от ума» (постановка Т. Махарадзе). Театр опускает бытовые детали, психологические нюансы. Действие строится на резком контрасте живого и мертвого, страстного и холодного, подлинного и фальшивого.

Абсолютная непримиримость двух миров — Чацкого и всех прочих — заострена до метафоры в работе художника М. Перчихиной. В мраморных фигурах, казавшихся поначалу лишь знаком богатого барского дома, вдруг угадываются окаменевшие двойники тех, кто представляет «фамусовскую Москву». Их все больше, они все теснее окружают Чацкого (Я. Эверт). Естественность его свободных, порывистых движений, где жест непосредственно выражает душевное состояние, вступает в противоречие с мертвенной холодностью окружающего мира, подчеркивая его зловещую силу. Сво-

отношение к героям театр высказывает определенно и недвусмысленно, порой с той жесткой последовательностью, которая выпрямляет, упрощает конфликт. Мир фамусовых, молчаливых, загорецких, обрисованный одной краской, без психологических «излишеств», не выдвигает достойных противников Чацкого. Без этого многие сцены пьесы остались нетронутыми. Но удалось главное. Есть живой, страдающий мыслящий герой, которому горячо сочувствует зал.

Четкая эстетическая и этическая позиция объединяет разные работы Челябинского ТЮЗа. В спектакле «Подсвечник Чаадаева» по пьесе Полонского то же стремление найти ответы на «вечные» вопросы, встающие перед каждым поколением юности: как жить? что выбрать? Не вступая в соревнование с хорошо известным фильмом «Доживем до понедельника», режиссер В. Мещанинова выстроила спектакль на соединении поэзии и публицистики. Не случайно у главного героя появляется прямой оппонент — Некто, сидящий в зале, ни в чем не сомневающийся, имеющий готовые решения на все случаи жизни. Их диалог мог бы стать проблемным стержнем спектакля. К сожалению, Мельников в исполнении Е. Фалевича не убеждает, не умеет сделать зрителя соучастником своих размышлений, сомнений. Это скорее достаточно расхожий образ учителя, в значительность личности которого зрителю предлагается поверить изначально.

Тема преемственности культуры, исторической памяти реализовалась не столько через главного героя, сколько через поэтическую атмосферу спектакля в целом. В этом немалая заслуга художника С. Александрова, которому удалось найти точный образ спектакля, подчеркнувший важную для режиссера тему духовного наследия, нравственной проповеди.

Состоялось знакомство ленинградцев с коллективом, имеющим свой индивидуальный почерк, ищущим открытого контакта со зрителями. Приятно отметить, что опыт юных ленинградцев обогатился новыми значительными впечатлениями.

С. ГРИГОРЬЕВА